

Там, где следы обрываются

Рассказанное по памяти

almostluv

almostluv almostluv

**Там, где следы обрываются.
Рассказанное по памяти**

«Автор»

2026

almostluv a.

Там, где следы обрываются. Рассказанное по памяти /
a. almostluv — «Автор», 2026

Иногда самое страшное — не потерять человека. Самое страшное — однажды понять, что ты даже не помнишь, кого потерял. В памяти появляются трещины. Сначала исчезают мелочи: лица, голоса, случайные моменты. А потом находятся вещи, которых не должно быть — фотография с незнакомой девушкой, старый брелок, засохшая лаванда и следы на снегу, которые обрываются посреди пути. Кто она? Почему её больше нет в памяти? И почему всё вокруг словно пытается вернуть то, что было забыто? История о памяти, которая хранит больше, чем мы готовы вспомнить. О поиске ответов, о потерянных людях и о следах, которые иногда ведут не назад, а глубже — туда, где спрятана правда.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4 — «Следы»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

almostluv almostluv

Там, где следы обрываются.

Рассказанное по памяти

ПРОЛОГ

«До тишины»

Есть квартиры, в которых тишина живёт дольше людей. Она оседает на книжных полках тон-

ким слоем пыли, прячется между страницами непрочитанных книг, впитывается в занавески, в старый деревянный пол, в холодные стены, слишком долго слушавшие чужое дыхание. В такие квартиры страшно заходить не потому, что внутри может оказаться кто-то посторонний, а потому, что там никого нет. Совсем никого. Именно отсутствие начинает вести себя как живое существо: медленно ходит по комнатам, занимает свободные стулья, отражается в зеркалах, задерживается в дверных проёмах и терпеливо наблюдает, пока человек пытается убедить себя, что пустота — это всего лишь пустота.

Дверь открылась, и первым навстречу хлынул запах хлорки. Резкий, почти больничный, он

будто нарочно перебивал все остальные ароматы, словно кто-то очень старательно пытался уничтожить любое напоминание о том, что здесь когда-то проходила жизнь. Сквозь эту стерильную резкость всё равно пробивался едва уловимый аромат ванили — слабый, почти исчезнувший, как воспоминание, которое ещё можно почувствовать, но уже невозможно объяснить словами. Иногда памяти не нужны фотографии, письма или вещи. Ей достаточно запаха, чтобы в одно мгновение вернуть человека туда, откуда он так долго пытался уйти.

Свет включать не хотелось. Полумрак делал комнату честнее. Дневной свет всегда пытается

скрыть чужую боль за привычными очертаниями мебели, а ночь, наоборот, вытаскивает её наружу. Окна отражали заснеженный город, и казалось, будто снег идёт не снаружи, а внутри квартиры, медленно засыпая книги, стол, старое кресло у стены, забытые чашки и самого человека, который уже несколько минут стоял неподвижно, не решаясь сделать ещё один шаг. Иногда достаточно переступить порог, чтобы понять: назад уже не получится выйти тем, кем вошёл.

Взгляд упал на руки. Пальцы замёрзли, хотя в квартире было не холоднее, чем на улице. Здесь холод ощущался иначе — не кожей, а где-то глубже, в той части сознания, которая ведёт учёт не температуры, а присутствия. Тепло уходило так же быстро, как уходят слова, сказанные в пустоту.

На журнальном столике лежал небольшой осколок зеркала. Когда-то оно было большим, в

полный рост, стояло в прихожей и ловило каждое движение, каждую тень. Теперь отражение существовало только кусками. В одном можно было увидеть глаза, в другом — ладонь, в третьем — часть окна, за которым бесконечно падал снег. Подняв осколок и долго вглядываясь в собственное лицо, разделённое трещиной, он поймал себя на мысли, как странно устроена человеческая память: она никогда не разбивается сразу. Сначала исчезают голоса. Потом интонации. Затем лица начинают терять чёткость, и однажды наступает утро, когда с ужасом понимаешь, что больше не можешь вспомнить цвет чьих-то глаз, хотя когда-то был уверен, что узнал бы их среди миллионов.

Осколок был осторожно положен обратно. Затем, подчиняясь почти автоматическому порыву,

чья-то рука зачем-то поправила край скатерти на столе, хотя она не была сбита. Пальцы сами выполнили этот ненужный, почти интимный жест — поправить то, что даже не нуждалось в поправке. Как будто в этом жесте ещё теплилась память о ком-то, кто всегда поправлял эту скатерть, проходя мимо. Кого-то, кого здесь давно нет. Кого, возможно, никогда и не было — по крайней мере, так теперь утверждала память.

За окном город жил своей привычной жизнью. Где-то лениво скрипели трамвайные рельсы,

редкие машины оставляли на свежем снегу тёмные полосы, которые через несколько минут исчезали так же бесследно, как исчезают случайные встречи, обещания и люди, уверявшие, что останутся навсегда. Мир продолжал двигаться с пугающим равнодушием. Только этот человек будто застрял в каком-то невидимом ноябре, где время перестало течь и превратилось в холодный воздух, которым становилось всё тяжелее дышать.

Попытка вспомнить, когда именно всё стало так, не увенчалась успехом. Не было точной даты — только ощущение, что в какой-то момент действительность перестала быть непрерывной. Где-то посреди жизни возник провал, и края этого провала уже начали затягиваться, как затягивается льдом полынья. Ещё немного — и никто, даже он сам, не сможет сказать, что здесь когда-то была вода. Взгляд скользнул по заснеженному двору вниз. Там, под фонарём, стояла одинокая скамейка, и снег уже начал замечать следы, которые кто-то оставил совсем недавно. Может быть, его собственные.

В тот вечер ещё не было известно, что самое страшное — не потерять человека. Самое страшное — однажды перестать быть уверенным, что он вообще существовал.

ГЛАВА 1

«Утро, которое ничего не изменило»

Утро началось с холода. Ледяной пол пробрался сквозь тонкую подошву носков, едва ноги

коснулись паркета. Сухой деревянный скрип раздался в квартире — слишком отчётливый для раннего часа. Несколько мгновений ушло на то, чтобы ощутить вес собственного тела и пустоту в желудке. Часы показывали начало девятого, но он не верил им: время в этой комнате текло неровно, то замирая, то проваливаясь вперёд без предупреждения.

За ночь снег уплотнился, отяжелел. Он лежал на крышах ровно, будто чья-то ладонь разгла-

дила мир и оставила его без углов, без следов, без признаков вчерашнего дня. Свет просачивался бледный, почти выцветший, проходя сквозь воздух, как сквозь тонкую ткань. В такие утра всё выглядит правильно и одновременно неправдиво — как декорация, в которой забыли добавить главное.

Он двигался по привычной географии: коридор, поворот налево, кухня. Плечо задело косяк — всегда задевает, если не сделать поправку на полшага, — но сегодня прикосновение обожгло резкостью. Чайник зашумел, перекрывая безмолвие, — единственный громкий звук в слишком притихшей квартире. На автомате заварка полетела в чашку, промахнулась, и пришлось подбирать чайники с холодного пластика столешницы. Дни сливались в серую полосу, и грань между сделанным и просто обдуманном давно стёрлась.

Сев за стол, рука по привычке, не глядя, потянулась поставить перед собой две чашки.

Движение замерло. Чай был налит только в одну. Вторая — пустая — стояла напротив, как

немой вопрос. Внутри расползался холод, гораздо более глубокий, чем тот, что шёл от пола. Память не могла объяснить, зачем он достал вторую чашку. Тело действовало само — по привычке, которая не принадлежала одиночеству.

«Если бы здесь жил кто-то ещё, сейчас, наверное, слышались бы шаги», — промелькнуло

в голове. Но коридор оставался пустым. Только тиканье часов въелось в стены и стало частью дыхания. Иногда казалось: если часы замолкнут, вместе с ними остановится и что-то внутри — не сердце, а способность отличать один момент от другого.

Кипяток обжёг пальцы, но он почти не почувствовал боли. Чай получился горьким, почти чёрным. Он пил его без сахара — и не мог припомнить, когда именно эта привычка исчезла. Может быть, когда тот, кто добавлял сахар, перестал сидеть напротив.

Холодильник был полупустым — он знал это, даже не заглядывая внутрь. Еда в одиночестве

теряла вкус, становилась просто топливом. Телефон лежал экраном вниз. Он перевернул его — никаких пропущенных, никаких сообщений. Ничего личного. Только рабочие чаты и новостная рассылка.

Он оделся быстро. Свитер с протёртыми локтями, тяжёлое пальто, шарф. Шапка снова не нашлась — она исчезла из прихожей несколько недель назад, а новую он так и не купил.

На улице холод не бил, а обволакивал. Город был привычным: те же дома, те же дороги, те же редкие прохожие, двигавшиеся так, будто знали, куда идут. Ноги несли его вперёд без маршрута, и вдруг он поймал себя на том, что ищет глазами что-то — не предмет, не лицо, а именно «что-то», что могло бы дать ответ. Вокруг была только обычность, и эта обычность начинала казаться подозрительной — слишком ровной, слишком выверенной.

Он остановился у витрины. В отражении — собственное лицо, и на мгновение ему почудилось,

что за плечом кто-то стоит. Не человек, скорее тень, которая не успела исчезнуть. Резкий оборот — пусто. Только снег, медленно падающий на тротуар. «Ты сходишь с ума?» — прошептал внутренний голос. И тут же ответил: «А если нет?»

Лишь к середине дня, когда пальцы ног замёрзли настолько, что потеряли чувствительность,

он осознал простую, почти незаметную вещь: мир вокруг не изменился. Ни на грамм. Ни на вдох. Изменился только он сам, стоящий в этом мире.

Вечером — возвращение домой. Квартира встретила всё тем же безмолвием. Пальто упало на

тумбу, ключи звякнули о металл. На кухне на столе стояла одна чашка. Одна. Второй не было. Он не мог вспомнить, убрал ли её утром или она исчезла сама. Он посмотрел на пустое место напротив — и вдруг почувствовал сильный холод не снаружи, а где-то глубже, там, где хранятся воспоминания, ещё не ставшие словами. Чайник снова включился, вода закипела. Сидя за столом и ожидая чая, он впервые за долгое время понял: он ждёт не напиток. Он ждёт кого-то, кто так и не пришёл.

ГЛАВА 2

«Обычные места»

Есть места, которые не меняются даже тогда, когда внутри человека всё уже стало другим. Они продолжают стоять на своих улицах, держать свои вывески, светиться окнами, будто время к ним не имеет никакого отношения. В такие места возвращаются не от надежды что-то найти, а оттого, что больше некуда идти с тем, что внутри становится слишком тяжёлым. Иногда человек идёт по городу не вперёд, а по кругу — вокруг одной мысли, которая никак не оформляется словами.

Он почти случайно оказался у кофейни, хотя уже не верил в случайности так уверенно, как

раньше. Дверь открылась с тем же мягким звуком, с каким открывается всё, что слишком часто впускало людей. Тепло ударило в лицо почти незаметно, без резкого контраста, — помещение не приглашало, а просто напоминало: внутри всегда есть другой воздух, более плотный, более человеческий.

Бариста поднял глаза и кивнул.

— Как обычно?

Вопрос прозвучал так естественно, что на секунду он удивился, почему вообще можно было

бы ответить иначе. Хотелось сказать «да», как всегда говорят в местах, где тебя узнают не по имени, а по привычке. Но он замялся.

Он посмотрел на столик у окна. Пустой. И это слово — «пустой» — вдруг оказалось слишком точным, слишком громким внутри головы.

— Один, — ответил он.

Бариста не уточнил, просто снова кивнул — будто и это было частью обычного порядка вещей, не требующего объяснений.

Он сел за столик у окна и перевёл взгляд на улицу. Снег всё падал — ровный, бесконечный,

заметающий отпечатки ног. Люди проходили мимо, не задерживаясь, каждый со своей скоростью, своим направлением, своей уверенностью в том, что у дня есть структура. Наблюдать за ними было всё равно что смотреть на чужой мир — не от зависти, а оттого, что он перестал понимать, как в нём живут.

Принесли кофе. Он сделал глоток и только тогда заметил вторую чашку напротив. Он заказал

её автоматически, сам того не осознавая. Пенка на ней медленно оседала, и это движение заворочило его — неторопливое, неотвратимое, как само время. Он переводил глаза с одной чашки на другую, потом опустил их на собственные руки. «Зачем?» — спросил он себя беззвучно. Но память молчала.

Он полез в бумажник за картой, и его пальцы наткнулись на сложенный вчетверо старый чек. Машинально развернув, он увидел дату: 15 ноября, два года назад. Два кофе. Чек выцвел, но строчки читались ясно. Этот день не всплывал в памяти — вообще никакого воспоминания о нём не осталось.

Рука слегка дрожала, когда он убирал чек обратно. Вторая чашка стояла напротив, как немой

свидетель, и вдруг его охватило странное ощущение: за этим столиком сидят не одни — точнее, что на этом самом месте когда-то сидел кто-то ещё. Чьё-то отсутствие теперь чувствовалось почти физически, как сквозняк из неплотно прикрытой двери.

Кофе он допил быстрее обычного, вышел обратно в холод. Улица встретила его тем же све-

том, тем же снегом, тем же городом, который не знал, что внутри одного человека что-то начинает терять форму.

Он пошёл дальше — не потому, что знал направление, а потому, что оставаться на месте становилось труднее, чем двигаться.

Иногда ему казалось: если остановиться надолго, та мысль, что не даёт покоя, наконец офор-

мится. Станет ясной. Назовётся. Но вместо этого она только уплотнялась, как снег под ногами: чем больше давишь, тем меньше понимаешь, из чего она вообще состоит.

Где-то между улицами, витринами и переходами он впервые заметил странное ощущение:

будто он уже не совсем уверен, что у всего этого есть причина. Но и в обратное — тоже не было уверенности.

ГЛАВА 3

«Эхо»

Воспоминания уходят тихо. Они не исчезают за одну ночь, не растворяются бесследно, не оставляют после себя громких прощаний. Сначала память забирает мелочи — интонацию голоса, привычку поправлять волосы, смех, возникавший в самый неподходящий момент. Потом исчезают запахи, маршруты, случайные фразы. А однажды ты понимаешь, что уже не можешь вспомнить, когда именно всё это начало исчезать. Память редко ломается. Гораздо чаще она стирается, словно старый снимок, слишком долго пролежавший под солнечным светом.

После кофейни он вышел в плотный, почти осязаемый холод. Воздух обжигал щёки, заби-

рался под шарф, заставлял мышцы лица деревенеть. Солнце клонилось к закату, хотя день едва перевалил за середину, — в этих широтах декабрьское солнце не столько светит, сколько обозначает своё присутствие, бледное и равнодушное. Снег, ещё утром пушистый и лёгкий, теперь стал зернистым, колючим — он царапал кожу мелкими ледяными иглами. Он поднял воротник и ускорил шаг, не выбирая направления, просто чтобы двигаться.

Город в этот час жил своей обычной жизнью. Где-то вдали звенел трамвай, разбрызгивая из-

под колёс снежную кашу. Двери магазинов хлопали с равномерностью метронома, впуская и выпуская людей, закутанных в шарфы и шапки. У каждого был свой маршрут, своя цель, своё место в этом огромном часовом механизме. Только он чувствовал себя лишней деталью, случайно оставшейся после сборки, — болтом, который забыли прикрутить и который теперь просто катается по дну механизма, ни на что не влияя.

Мост встретил его старым камнем и круглыми фонарями на въезде. Перила покрылись инеем, и когда он машинально провёл по ним рукой в перчатке, на коже остался белый след. Он посмотрел вниз, на замёрзшую реку, и внутри что-то сжалось — не от страха, а от смутного узнавания. Этот мост. Он уже бывал здесь. Не вчера и не неделю назад. Где-то глубже, в том слое памяти, который уже начал истончаться. Он попытался ухватить это ощущение за край, вытянуть на поверхность, — не удалось, оно ускользало, как вода сквозь пальцы. Осталась только горечь: горький привкус потери, у которой нет названия.

Его ноги свернули в небольшой двор почти безотчётно, хотя он десятки раз бывал здесь — и

всё же не мог сказать, когда именно. Здесь почти ничего не менялось годами. Облупившаяся штукатурка на стенах, серые пятна сырости под карнизами, ржавые водосточные трубы, забитые льдом. Железные качели с облупленной краской — одна цепь была чуть длиннее другой, отчего сиденье всегда висело криво. Даже без ветра качели иногда начинали раскачиваться, издавая тихий, пронзительный скрип, который вплетался в тишину, как нить в ткань. Старый фонарь с мутным стеклом, разбитым в одном углу, торчал из сугроба, и его свет был тусклым, жёлтым, почти умирающим. В таких местах время будто уставало идти дальше и оставалось жить среди потрескавшихся стен.

Он застыл в центре двора. Снег здесь был почти нетронутым, только несколько цепочек сле-

дов пересекали его наискосок — птичьих, собачьих, человеческих. Тишина стояла не просто как отсутствие звуков. Она была густой, плотной, почти физически ощутимой, как вода на большой глубине. В ней тонули шаги, голоса, мысли. Оставалось только медленное, тяжёлое биение собственного сердца — и скрип качелей.

Качели двигались. Совсем чуть-чуть — вперёд-назад, на пару сантиметров, но достаточно,

чтобы металлический скрип разносился по всему двору. Ветра не было. Он смотрел на них, не отрываясь, и холод поднимался от ступней к коленям, пальцы в перчатках немели. «Металл остывает неравномерно, — подумал он. — Цепь смещается под собственным весом. Снег меняет равновесие. Всё можно объяснить». Он повторил это про себя несколько раз, пока слова не потеряли смысл. Но внутри, глубоко, под слоем рациональных объяснений, шевелилась мысль, которую не хотелось признавать: иногда мы придумываем логику не потому, что верим в неё, а потому что боимся поверить в остальное.

На скамейке, той самой, что стояла под старым фонарём, что-то лежало. Он приблизился. Это была книга — обычная, в потёртой серой обложке, без названия, без имени автора. Страницы разбухли от влаги, уголки загнулись. Никого вокруг не было — только голые деревья, чёрные на фоне серого неба, и бесконечный снег. Он поднял книгу с лавки. Она была холодной, почти ледяной, и от прикосновения пальцы сразу заныли. Он раскрыл её наугад.

Между страницами лежала засохшая веточка лаванды. Маленькая, хрупкая, с несколькими

серо-фиолетовыми цветками, которые рассыпались в пыль при малейшем прикосновении. От неё почти не осталось запаха — только слабое воспоминание о нём, едва уловимое, как эхо. Он поднёс веточку к лицу, закрыл глаза и вдохнул глубоко, медленно. И на одно короткое, невыносимо короткое мгновение ему почудился смех. Не громкий, не отчётливый. Скорее, отзвук смеха — так смеётся память, когда хочет напомнить о себе. Он резко открыл глаза.

Во дворе никого не было. Качели всё так же покачивались, но теперь их движение казалось

не случайным, а ритмичным, будто кто-то только что сидел на них и только что ушёл. Он посмотрел на снег у скамейки. Свои отпечатки — он узнал их по рисунку подошвы, отпечатавшемуся на свежем снегу. Но рядом с ними были другие. Меньше. Чётче. Женские. Они начались у калитки, подходили к скамейке, останавливались — и исчезали. Не уходили дальше, не сворачивали, просто обрывались на полпути. Будто человек, оставивший их, растворился в воздухе.

Он смотрел на эти отпечатки, и в ушах вдруг зашумело — не громко, не резко, а глухо, словно ватная тишина, только что обволакивавшая двор, внезапно стала оглушительной. Затылок онемел, будто к нему приложили лёд. Разум отказывался принимать увиденное, перебирал варианты: снег запорошил продолжение, ветер сдул часть следов, он сам не заметил, как они уходят в сторону. Но снег был ровным, нетронутым, идеально белым вокруг оборванной цепочки. И это было неправильно. Так не должно быть. Так не могло быть.

Он осторожно положил книгу обратно на скамейку, словно боялся нарушить чужую историю. Веточку лаванды зажал между большим и указательным пальцами — так бережно, как держат что-то бесконечно ценное и бесконечно хрупкое. Снег продолжал медленно падать. Белые хлопья ложились на страницы, на дерево скамейки, на плечи, на качели, которые наконец замерли. Мир становился всё тише. Иногда тишина бывает настолько густой, что начинаешь слышать не окружающий мир, а собственные мысли. Именно тогда человек понимает, насколько шумно внутри него самого.

Он вышел из двора и снова оказался среди людей. Улица встретила его движением, звуками,

суею. Лица сменяли друг друга так быстро, что ни одно не успевало задержаться в памяти. Девушка с красным шарфом, смеющаяся в телефон. Мужчина в длинном пальто, торопливо говорящий по делу. Старик, медленно кормивший голубей прямо на заснеженном тротуаре, кроша булку в бумажный пакет. Всё это казалось настоящим. Даже слишком насто-

ящим. Слишком правильным, слишком предсказуемым, слишком полным — и от этого его собственная пустота ощущалась ещё острее. Он шёл сквозь эту жизнь, не касаясь её, как призрак, который ещё не понял, что он призрак.

И всё же его не покидало ощущение, что между этой реальностью и ним самим появилась едва заметная трещина. Такая тонкая, что её невозможно увидеть. Но достаточно глубокая, чтобы однажды провалиться.

Он остановился у пешеходного перехода. Загорелся красный свет. Машины ползли медленно,

увязая в снежной каше, дворники размеренно смахивали снег с лобовых стёкол. Он посмотрел на противоположную сторону улицы — и замер.

Там стояла девушка. Тёмное пальто — длинное, почти до щиколоток, с поясом на талии. Светлый шарф, небрежно накинутый, один конец свисал на грудь, другой трепал ветер. Она смотрела не на дорогу, не на светофор — куда-то поверх людей, поверх машин, поверх города. В её взгляде была странная отстранённость, какая бывает у тех, кто слишком долго ждал и перестал верить, что дождётся. Он сделал шаг вперёд почти безотчётно.

— Эй! — крикнул он. Голос утонул в шуме улицы.

Загорелся зелёный. Толпа хлынула на переход, плотная, шумная, многоликая. Люди двига-

лись навстречу друг другу, их плечи соприкасались, сумки задевали прохожих, кто-то извинялся, кто-то чертыхался. Он рванул вперёд, лавируя между ними, не сводя глаз с тёмного пальто и светлого шарфа. Но чем ближе он подходил, тем сильнее фигура девушки теряла чёткость. Не исчезала — скорее расплывалась, как отражение в воде, когда по ней пробегает рябь.

На той стороне её уже не было.

Он остановился. Асфальт под ногами словно качнулся — едва заметно, будто земля на мгно-

вение потеряла свою несокрушимую твёрдость. Колени ослабли, и он вынужден был опереться о стену ближайшего дома. Холод кирпича сквозь перчатку привёл его в чувство. Сердце бухало где-то глубоко в груди, но не в горле — оно билось размеренно и тяжело, словно отсчитывало секунды, отпущенные на осознание.

Он обернулся — пусто. Никто не бежал. Никто не сворачивал за угол. Никто не выглядывал

из-за киоска. Будто её никогда здесь не было. Только снег продолжал падать, медленно, равнодушно, замечая следы, которых она не оставила.

Он подошёл к тому месту, где она стояла. На асфальте лежал небольшой предмет. Он нахло-

нулся и поднял его — это был брелок. Маленький металлический лист клевера на стёртом колечке. С царапиной на эмали. Узнавание пришло мгновенно. Он помнил, как уронил ключи на асфальт в том самом дворе с качелями много лет назад. Но этот брелок был потерян. Исчез. И вот он здесь, на тротуаре, на том самом месте, где только что стояла незнакомка.

Он сжал пальцы вокруг холодного металла. И ещё долго стоял посреди тротуара, не замечая

ни прохожих, обходивших его с раздражением, ни снега, который медленно ложился на волосы, ни холода, пробиравшего до костей. Впервые за долгое время страх пришёл не оттого, что он может потерять память. А оттого, что память начинает создавать собственные воспоминания. Или, что ещё хуже, — возвращать те, которые он сам, добровольно или нет, когда-то стёр.

Самые страшные призраки рождаются не в пустых домах. Они рождаются там, где память

отказывается признать своё одиночество. И теперь один из таких призраков стоял только что на другой стороне улицы, смотрел сквозь толпу и ждал, когда его заметят. Он заметил. И призрак исчез, оставив после себя только брелок, засохшую лаванду и тишину, которая с каждым днём становилась всё громче.

ГЛАВА 4 — «Следы»

Снег падал медленно и упрямо, словно небо решило стереть с города все напоминания о вче-

рашнем дне. Белые хлопья ложились на крыши, на ветви голых деревьев, на дорожные знаки и редких прохожих, превращая улицы в одну длинную линию без начала и конца. Город терял очертания: бледнели вывески, тускнели краски, стирались границы между дорогой и тротуаром. Даже привычные звуки — скрежет трамвая, гул машин, обрывки голосов — становились глуше, приглушённые снежной толщей. Мир вокруг обретал странное, почти нереальное качество. Только человеческие отпечатки нарушали это безупречное спокойствие, и они жили недолго. Через несколько минут их засыпало так же легко, как время засыпает воспоминания. Наверное, поэтому люди так боятся забвения

— не потому, что исчезают сами, а потому, что однажды исчезают последние штрихи их присутствия.

Он шёл медленно, без цели. Ноги будто сами знали маршрут лучше головы. За последние дни он перестал замечать названия улиц, номера домов и лица прохожих. Всё вокруг превратилось в непрерывный поток, где детали больше не имели значения. Только пустота оставалась неизменной. Она сопровождала его повсюду: дома, в транспорте, среди людей. Одиночество редко приходит внезапно — оно появляется постепенно, день за днём занимая всё больше места, пока однажды не становится привычным состоянием. Тогда человек перестаёт замечать, что живёт в тишине, которая когда-то казалась невыносимой.

В кармане пальто он сжимал брелок — маленький клевер с царапиной на эмали. Металл по-

немногу нагревался от тепла руки, но ощущение от находки не становилось менее странным. Брелок, найденный на тротуаре у перехода, на том месте, где только что стояла девушка, которой не могло быть, — что это: случайность, галлюцинация или знак? Но брелок был настоящим, весомым, и его присутствие служило единственным доказательством того, что утреннее происшествие не приснилось. Веточка лаванды, всё ещё хранившая слабый аромат, лежала во внутреннем кармане, завернутая в салфетку. Он не понимал, зачем хранит эти вещи, — просто не смог оставить их там. Ему казалось: если бросить, предашь что-то важное, хотя он сам не знал, что именно.

Перекрёсток остался позади. Он поднял глаза и увидел перед собой старый книжный магазин, втиснутый между серым жилым домом и закрытой булочной. За запотевшим стеклом витрины горел мягкий жёлтый свет — совсем не похожий на холодное освещение супермаркетов. Тёплый, почти живой, он контрастировал с уличной серостью, и от этого на душе стало немного легче. На витрине лежали потёртые книги, стояла лампа с зелёным абажуром, а на стене висела большая чёрнобелая фотография: мост, заснеженные перила, круглый фонарь на въезде. Тот самый мост.

Он замер. Сердце снова пропустило удар. Фотография висела здесь, на виду у всего города, и

всё же казалась предназначенной именно ему. Слишком много совпадений, чтобы списать их на случайность. Он не мог отвести глаз — внутри медленно разворачивалось ощущение, будто всё вокруг выстроено не просто так. Словно кто-то расставил декорации и теперь терпеливо ждал, когда он обратит на них внимание. Может быть, некоторые двери открываются именно тогда, когда человек уже перестал что-либо искать.

Он толкнул дверь и переступил порог. Внутри было тепло. Воздух пах старой бумагой, дре-

весиной, пылью и чем-то едва уловимым — то ли сушёными травами, то ли чернилами, — что не встретишь нигде, кроме книжных магазинов и старых библиотек. Запах окутал его, как старое одеяло, и на мгновение дышать стало легче. Где-то в глубине тикали часы. Свет был неярким, рассеянным: лампы под зелёными абажурами стояли на прилавке и на подоконниках, между стеллажами царил приятный полумрак.

За прилавком сидел пожилой мужчина в круглых очках. Он поднял глаза, коротко кивнул и

снова вернулся к книге. Эта молчаливая вежливость показалась ему удивительно естественной. Здесь не спрашивали, нужна ли помощь. Здесь понимали: люди приходят за книгами не за ответами, а за возможностью побыть наедине с собой.

Он прошёл вдоль стеллажей, медленно проводя рукой по потёртым корешкам. Пальцы ощу-

щали шероховатость старых переплётов, выпуклости букв, местами почти стёртых временем. Каждая книга когда-то была чьей-то историей. Кто-то открывал её впервые, смеялся, делал пометки на полях, загибал уголки. Проходили годы, менялись владельцы, стирались имена на форзацах, но сами истории продолжали жить. В какой-то момент ему пришла мысль: книги существуют дольше людей именно потому, что умеют помнить за них. Пока хотя бы один человек перечитывает историю, она сопротивляется времени. А люди сопротивляются хуже — они забывают, стирают, теряют и в конце концов исчезают, оставляя после себя только вещи. Такие, как брелок с царапиной. Или засушенная лаванда.

На нижней полке, среди справочников и старых атласов, он заметил небольшой блокнот без

названия. Серая обложка, потёртые края, пожелтевшие страницы — ничего особенного. Он взял его из любопытства, скорее машинально. Первые листы оказались пустыми. Второй, третий, десятый — всё та же белизна, будто кто-то собирался записать здесь целую жизнь, но так и не решился начать. И лишь на последней странице, выцветшими чернилами, была выведена одна фраза:

«Память исчезает не тогда, когда мы забываем человека. Она исчезает тогда, когда перестаём искать его в себе.»

Он перечитал её несколько раз. Слова не казались случайными — в них было что-то пугающе знакомое, будто он уже слышал их раньше, но не мог вспомнить где. Иногда самые важные вещи не открывают нового, а лишь напоминают то, что давно живёт внутри.

— Хорошая мысль, правда? — раздался спокойный голос.

Он поднял глаза. Пожилой продавец стоял рядом, держа другую книгу. Подошёл неслышно,

словно материализовался из тишины. От него пахло табаком и старым сукном — запах тоже казался знакомым, хотя он не мог припомнить, где его встречал.

— Вы читали его? — спросил он, кивая на блокнот.

Старик улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Этот блокнот никто не приносил. Несколько лет назад я нашёл его на той самой полке. С тех пор он всегда возвращается сюда, сколько бы раз его ни покупали.

Он хотел улыбнуться в ответ, решив, что это шутка, но не смог. Старик говорил слишком спо-

койно, без желания удивить — просто как человек, рассказывающий давно известный факт. В его голосе не было ни иронии, ни попытки разыграть, только ровная интонация того, кто привык иметь дело с необъяснимым и перестал искать объяснения.

— И кто его написал? — спросил он, хотя уже предчувствовал уклончивый ответ.

Продавец пожал плечами:

— Иногда имя только мешает словам.

Он хотел спросить ещё, но старик уже повернулся и направился обратно к прилавку. Разго-

вор оборвался так же внезапно, как начался. Он ещё постоял, глядя то на блокнот, то на спину продавца, то на чёрно-белую фотографию моста за окном. Всё складывалось в картину, но он не мог увидеть её целиком — как человек, который видит только фрагменты мозаики.

Он подошёл к прилавку и положил блокнот на стойку:

— Я возьму его.

Старик кивнул, пробил покупку — кассовый аппарат звякнул, выбрасывая чек, — и протянул

блокнот обратно, уже завернутый в крафтовую бумагу. Расплатившись, он взял свёрток и направился к выходу.

— Если найдёте то, что ищете, — произнёс старик ему вслед, — не спешите забывать об этом.

Он обернулся, но продавец уже снова читал, будто ничего не говорил. Колокольчик над дверью звякнул, когда он вышел на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.